

О.В. Царегородцева, З.И. Резанова

ВЛИЯНИЕ РАЗЛИЧИЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ НА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЮ ОБЪЕКТОВ: РУССКО-ТАТАРСКОЕ ЯЗЫКОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

*Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России,
проект № 34.8749.2017/9.10.*

Представлены результаты экспериментальной проверки гипотезы о влиянии грамматической категории рода на концептуализацию объектов и влияния грамматического рода во втором языке на когнитивные процессы билингвов. Гипотеза проверяется с привлечением двух групп русскоговорящих респондентов, в первой группе русский являлся родным и доминирующим, во второй группе родным материнским был татарский язык, русский – доминирующим в настоящее время. Результаты экспериментов показали наличие влияния грамматической категории рода на концептуализацию объектов в первой группе и пограничный эффект влияния русского языка в группе респондентов, для которых он был вторым языком, проявившийся, очевидно, благодаря его активности и доминированию.

Ключевые слова: грамматический род; концептуализация; русско-тюркский билингвизм; русский язык; татарский язык.

В статье представлены результаты экспериментального исследования влияния различий грамматической категоризации русского и одного из тюркских языков – татарского – на процессы категоризации объектов русско-татарскими билингвами. Работа выполнена в рамках проекта, направленного на исследование активных процессов языковой динамики и межъязыкового и межкультурного взаимодействия на юге Сибири.

Обращение к исследованию влияния различий в грамматической категоризации языковых систем русско-татарских билингвов на примере грамматической категории рода обусловлены двумя основными причинами. Во-первых, влияние специфики грамматической категоризации на осуществление когнитивных процессов, в том числе концептуализацию объектов, было зафиксировано в экспериментальных исследованиях, проведенных на материале разных языков: английского, испанского, японского, венгерского, болгарского [1–7 и др.], в том числе проведенных на материале русского языка [8, 9]. Влияние грамматического рода на концептуализацию объектов носителями языка проявляется в том, что носителями языков с грамматическим родом объекты, обозначенные существительными женского рода, наделяются женскими характеристиками, а объекты, обозначенные существительными мужского рода, – мужскими. Однако были обнаружены и противоречащие данные: полученные в одних экспериментальных исследованиях результаты не всегда реплицировались в аналогичных исследованиях. Так, например, влияние грамматического рода при выполнении задания на запоминание было обнаружено в исследовании Л. Бородицки и Л. Шмидта [1. С. 68], однако в другом исследовании, использующем аналогичный метод, влияние грамматического рода было обнаружено у носителей испанского языка, но не было обнаружено у носителей немецкого [10]. Противоречивость полученных экспериментальных данных и выявление факторов, влияющих на когнитивные процессы, обуславливает необходимость продолжения исследований языковых

систем с разными типами грамматической концептуализации рода, с различными вариантами наложения грамматических систем в условиях билингвизма.

Во-вторых, данное исследование является частью анализа языковых и когнитивных, психолингвистических аспектов контактирования русского и тюркских языков Южной Сибири¹. Одна из важных задач проекта – анализ влияния на речевые практики билингвов, способы когнитивной обработки речевой и неречевой информации разнотипных грамматических структур агглютинативных тюркских языков и глубоко синтетического флективного русского языка, имеющих также существенные различия как в наборе морфологических категорий, так и в структуре частных значений, выражаемых в языках своеобразным способом. В данном исследовании мы обратились к материалу русско-татарского языкового взаимодействия, поскольку в татарском языке категория рода отсутствует (как во всех тюркских языках), а в русском языке данная категория имеет трехчленную структуру с последовательным морфологическим выражением.

На предыдущих этапах исследования были проведены записи устной русской речи русско-тюркских билингвов – более 200 часов звучания, записана и анализируется речь представителей разных социальных групп, дифференцирующихся по возрасту, образованию, полу, социальному положению, носителей разных типов билингвизма. При этом доминирующим в записях является тип билингвизма, при котором родной, первый [L1] – один из тюркских языков (шорский, татарский, хакасский), второй [L2] – русский. Абсолютное большинство записанных текстов зафиксировали речь билингвов, у которых русский язык в настоящее время является активным и доминирующим, т.е. используется во всех социальных сферах коммуникации, а первый тюркский язык используется в ситуациях семейного и дружественного общения, зачастую нерегулярно. Анализ вариантов проявления интерференции в речевых практиках билингвов выявил в качестве наиболее устойчивой черты – нару-

шение норм маркирования по грамматическому роду имен существительных и согласуемых с ними имен прилагательных, глагольных форм с данной грамматической категорией. Приведем типичные проявления данного типа интерференции: *... вот так говорю: красивый и хороший ограда сделай, и крест не деревянный, а железный, чтоб долго стояла // кто будет ходить-то, смотреть, красивый или какая; Да, на сало, с одной салой делала. Туда лук не крошила. С одной салой и пшеница сами сеяли, муку делали. Мне так нехорошо сделался, я опять ночи не сплю*².

Активность и доминирование русского языка обуславливают то, что и данный тип языковой интерференции проявляется нечасто, преимущественно в речи представителей старшего поколения, имеющих более длительную историю использования родного языка и более регулярно говорящих на нем в настоящее время. У представителей среднего и младшего возраста нарушения маркирования имен по роду проявляются редко, чаще всего в конце интервьюирования, предположительно – в условиях снижения когнитивного контроля.

Имеющиеся в литературе данные о влиянии на категоризацию объектов грамматического рода родного и приобретенного языка, а также о том, что различия грамматической категоризации по роду в русском и тюркских языках проявляются в явлениях интерференции даже в условиях актуальности и доминирования русского языка, явились основанием формулирования гипотезы о том, что эффект влияния грамматического рода на категоризацию объектов будет проявлен у носителей русского языка, для которых он является родным, и русско-тюркских билингвов, у которых он является вторым и приобретенным.

При проверке гипотезы мы использовали экспериментальное задание, в котором сам грамматический род не упоминается и манипуляции с ним для испытуемого неочевидны. Испытуемым были представлены пары рисунков с изображениями разных предметов, животных и людей. Участники выполняли задания на оценку сходства этих изображений; в основе дизайна эксперимента с таким заданием лежит предположение о том, что объекты, имеющие наименования одного грамматического рода, будут оценены носителями языка как более похожие. Процедура экспериментов была взята из исследования В. Филиппа и Л. Бородицки [12], где участниками эксперимента являлись испано-английские, немецко-английские и испано-немецкие билингвы с высоким уровнем владения вторым языком. Это исследование показало, что даже в таком нелингвистическом задании, т.е. задании, где напрямую не используются наименования объектов, грамматический род родного языка оказывает влияние на процесс принятия решения о схожести объектов. Филипп и Бородицки [Ibid.], отмечают, что такой результат с большой долей вероятности объясняется тем, что наименования объектов родного языка активируются сознанием автоматически, без присутствия сознательных когнитивных процессов, а следовательно, являются частью концептуализации предметов окружающей действительности.

В исследовании мы идем вслед за оригинальными экспериментами Филиппа и Бородицки [Ibid.]. Прове-

ряемая в экспериментах гипотеза конкретизирована следующим образом. Мы предположили, опираясь на предыдущие работы, что носители русского языка (русский язык – родной, первый, активный) оценят конгруэнтные пары изображений (например, женщина – улитка) как более похожие, чем неконгруэнтные (например, мужчина – улитка). Конгруэнтными являются пары с совпадением рода существительного, обозначающего объект, и пола человека, с которым этот объект нужно сравнивать (мужской род существительного – изображение мужчины, женский род – изображение женщины), неконгруэнтными – пары с несовпадением грамматического рода и пола. Помимо реплицированного эффекта грамматического рода у русских условных монологов мы ожидали вариации этого эффекта у группы русско-татарских билингвов.

Логично предположить, что эффекта рода у билингвов наблюдаться не будет, если первый язык не содержит этой категории. Однако есть отличия в группе билингвов в нашей работе от группы билингвов в исследовании Филиппа и Бородицки [12]. В эксперименте среднее время использования второго языка у участников составляло 15 лет, тогда как средний возраст у них же был 30 лет. В нашем исследовании практически все билингвы начали использовать русский язык сразу за родным (в возрасте от 3 до 6 лет) или одновременно с родным, средний возраст их составлял 35 лет, среднее время использования второго языка – 30 лет. Также, в отличие от эксперимента Филиппа и Бородицки, в нашей работе первым языком участников был язык без категории грамматического рода (татарский), а вторым – язык с категорией рода (русский). В исследовании Филиппа и Бородицки [Ibid.] последовательность была обратная: первый язык обладал категорией рода, второй язык – нет (испанский / немецкий – английский).

Тон Дийкстра [13] отмечает, что большое количество исследований лексикона билингвов показывает невыборочный доступ (non-selective access) к словам как второго, так и первого языка в сознании билингвов при использовании речи, т.е. при выборе наименования для объекта активируются оба слова. Таким образом, относительно процедуры обсуждаемого исследования [12], если участник видит стол, ему доступны наименования обоих языков, а так как у одного наименования присутствует род, то он будет влиять на решение. В ситуации, когда оба языка содержат категорию рода, первый язык должен иметь большее влияние в силу последовательности усвоения и / или большего количества языкового опыта. Следуя теории невыборочного доступа, оба слова должны активироваться в случае, подобном нашему. Здесь возникает вопрос, будет ли род слов второго языка оказывать воздействие на решение участников или же, в силу отсутствия рода в первом языке, слова первого языка будут иметь большую силу при выполнении задания. Возможно, это будет зависеть от ряда факторов. Например, Дийкстра, Ван Хелл и Брендерс [14] исследуют роль контекста в активации лексики билингвов, замечая, что контекст может влиять на силу активации того или иного языка.

В нашем случае русско-татарские билингвы находятся в контексте русского языка, т.е. в условиях доминирования русского языка во всех сферах. Также стоит еще раз подчеркнуть, что билингвизм участников нашего эксперимента довольно ранний. В такой ситуации можно ожидать, что род проявится в подобном эксперименте. Хотя, как отмечалось выше, даже у молодых людей встречается языковая интерференция в речи. Чтобы понять, контекст ли является возможной причиной потенциального эффекта рода, мы решили добавить этот фактор в эксперимент с билингвальными участниками, т.е. использовать инструкции и описание на татарском и на русском языках. Подводя итог сказанному, мы ожидали, что контекст будет модулировать эффект рода у русско-татарских билингвов.

Вследствие такой конкретизации гипотезы были последовательно смоделированы и проведены два эксперимента, имеющих тождественный набор стимулов, но отличающихся по отбору респондентов, и частично – процедуры проведения экспериментальных сессий.

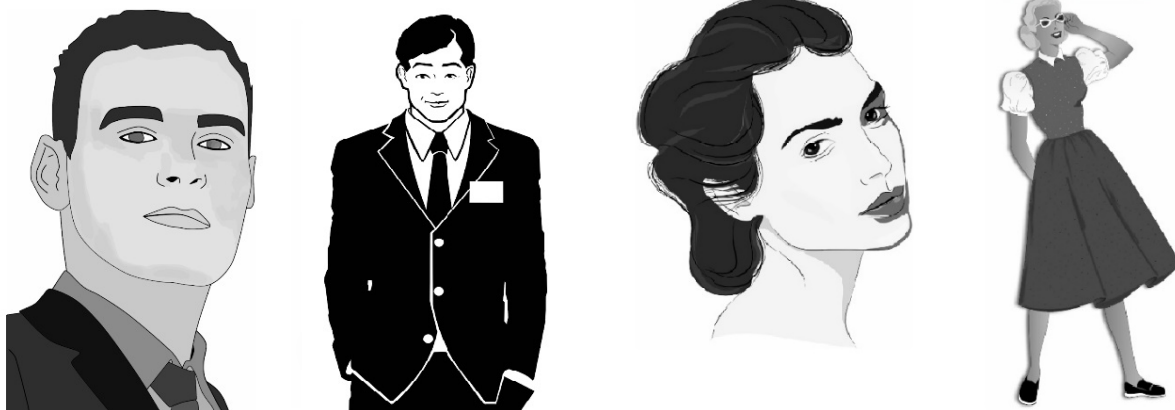

Рис. 1. Изображения мужчины и женщины, не в масштабе. Эксперимент 1

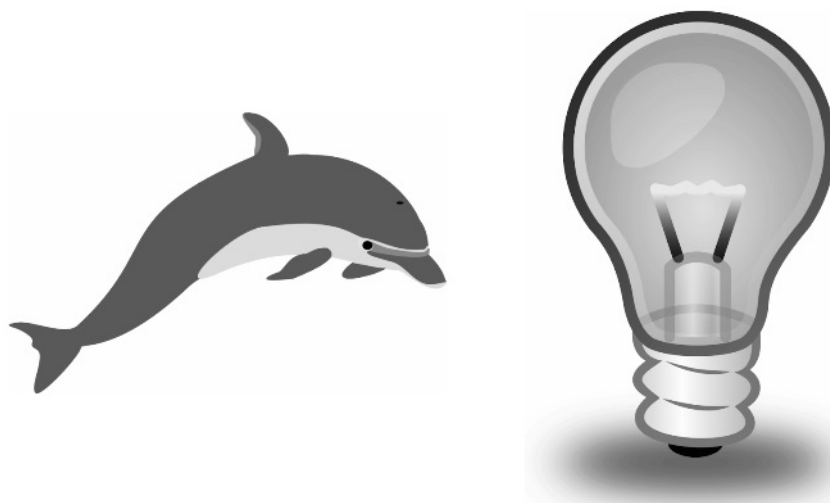

Рис. 2. Изображения предметов и животных, пример, не в масштабе. Эксперимент 1

Изображения предметов и животных были подобраны таким образом, чтобы у каждого из них было одно наименование, которое воспроизводилось носителями языка первым и воспринималось как основное.

Первый эксперимент был направлен на определение влияния грамматической категории рода на категоризацию объекта носителями русского языка и являлся репликацией первого эксперимента, описанного в [9].

Эксперимент 1.

Участники. В эксперименте приняло участие 46 человек (13 мужчин) в возрасте от 14 до 57 лет ($CP = 25$, $CT.O = 8^3$) с нормальным или скорректированным до нормального зрением. Для каждого из участников русский язык являлся родным и первым языком, а также доминирующим во время прохождения эксперимента.

Стимулы. Стимулами были пары черно-белых векторных изображений, взятые с ресурса <https://pixabay.com/>, все иллюстрации предоставлялись ресурсом без ограничения на использование. Одной из частей пары были изображения мужчины и женщины (рис. 1), всего использовалось четыре рисунка. Второй частью стимула являлись иллюстрации неодушевленных предметов и животных (рис. 2).

Список всех 32 наименований, ассоциируемых с иллюстрациями, представлен в табл. 1.

Порядок представления рисунков в паре был контрбалансирован, т.е. в части стимулов первым ри-

сунком было изображение человека, в другой части стимулов на первом месте показывался рисунок предмета или животного. Подобная контрбалансировка обязательна для подобного типа экспериментов и применяется, чтобы уменьшить степень привыкания к стимулам и минимизировать эффект внимания на первую часть стимула. Графические стимулы более подробно описаны в статье [9].

Процедура и дизайн. Эксперимент начинался с заполнения формы согласия и короткого опросника,

созданного для того, чтобы определить, является ли русский язык для испытуемого первым, родным и доминирующим языком. После этого начинался эксперимент, где участника просили оценить по шкале от 1 до 7, насколько похожими являются пары изображений, где 1 означало «очень непохожи», а 7 – «очень похожи». С помощью google-форм на экране демонстрировались стимулы, под каждым из которых была расположена шкала. Пример стимула представлен на рис. 3.

Таблица 1

Список наименований к изображениям

1	Книга	17	Лампочка
2	Якорь	18	Дельфин
3	Пуговица	19	Зебра
4	Скрипка	20	Карандаш
5	Кукуруза	21	Самолет
6	Рыба	22	Жук
7	Улитка	23	Помидор
8	Стул	24	Тыква
9	Вилка	25	Ракетка
10	Колокол	26	Пальма
11	Лист	27	Ложка
12	Дом	28	Звезда
13	Велосипед	29	Зонт
14	Муравей	30	Свисток
15	Стол	31	Собака
16	Ручка	32	Слон

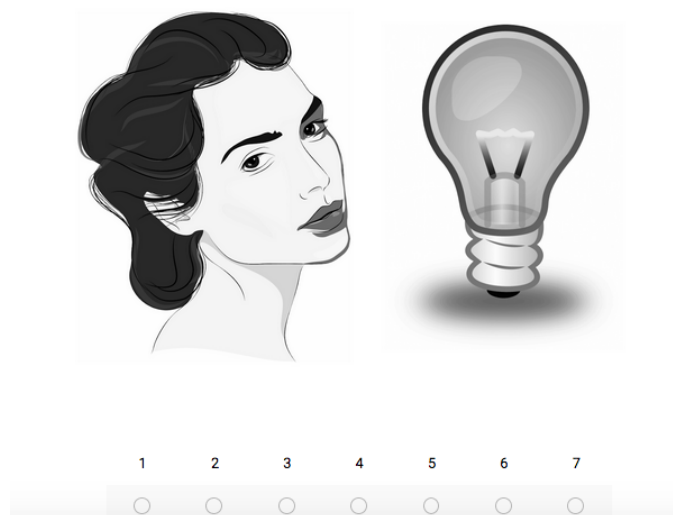

Рис. 3. Пример стимула, не в масштабе

Дизайн эксперимента включал одну независимую переменную с двумя уровнями, это был род наименований изображений (конгруэнтные vs неконгруэнтные пары), т.е. всего было два условия. Каждое из 32 изображений предметов / животных появлялось четыре раза, по одному разу на каждый из рисунков людей; итого испытуемому было представлено 128 проб, по 64 пробы на условие. Порядок предъявления проб был рандомизирован. Зависимой переменной являлись оценки участников.

Результаты и обсуждение. Ответы 5 участников были исключены из анализа, так как эти испытуемые использовали только одно деление на шкале (давали ответ 1). Таким образом, в итоговый анализ вошли данные 41 участника, 11 из них мужчины ($CP=26$, $СТ.О=8$). Ответы участников были усреднены, применен дисперсионный анализ с повторными измерениями (rANOVA), так как все участники проходили все условия. Анализ проводился с усреднением по участникам (analysis by-subjects).

гANOVA показал значимый эффект рода: $F(1, 40) = 8,97$, $p = 0,005$, $\eta_p^2 = 0,18$ – конгруэнтные пары оценивались испытуемыми как более похожие по срав-

нению с неконгруэнтными парами (рис. 4), значения средних и стандартные отклонений представлены в табл. 2.

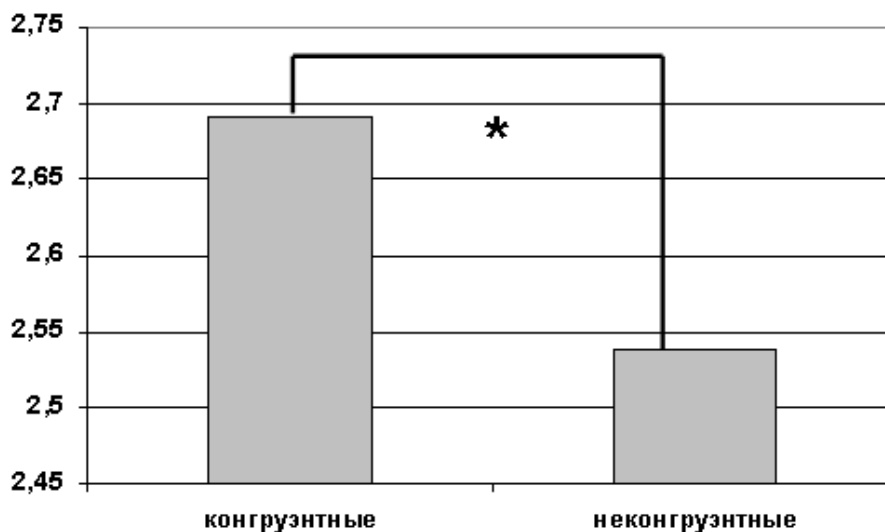

Рис. 4. Разница в оценках конгруэнтных и неконгруэнтных пар. Группа русских монолингвов. Эксперимент 1 (* – уровень значимости $p < 0,05$)

Таблица 2

Описательные статистики. Группа русских монолингвов. Эксперимент 1

Пары	СР (СТ.О)
Конгруэнтные	2,69 (1,14)
Неконгруэнтные	2,54 (1,01)

Таким образом, результат, описанный в научной литературе, в том числе на материале русского языка [9], был реплицирован, что говорит о стабильности эффекта.

Однако целью настоящего исследования было проверить, сохранится ли эффект грамматического рода у русскоговорящих носителей татарского языка, для которых татарский язык является первым родным материнским, а русский – доминирующим и актуальным в настоящее время. Для этого был смоделирован и проведен Эксперимент 2, также частично реплицирующий дизайн экспериментов, представленных в [9].

Эксперимент 2.

Участники. Участниками второго эксперимента были 25 русско-татарских билингвов (11 из них мужчины) в возрасте от 18 до 63 лет (СР = 33, СТ.О = 15) с нормальным или скорректированным до нормального зрением. Такое же количество респондентов было протестировано и в работе Филлипса и Бородинки [12], Джеймс и другие [16] также отмечают, что количество респондентов (20) достаточно для подобного рода экспериментов.

Все участники указали татарский язык как родной, однако использование татарского языка в период участия в эксперименте варьировалось. 9 человек отметили, что почти не используют татарский язык или используют редко, 3 написали, что используют татарский язык постоянно, остальные 13 – используют только для общения с семьей и друзьями. Что касается русского языка, то все участники отметили, что пользуются им постоянно

во всех ситуациях. Интересно, что большинство участников эксперимента отметили русский язык как первый (14 из 25), тогда как примерное время начала использования русского языка (говорение) у большинства колеблется от 3 до 6 лет (16 из 25). После 6 начали говорить на русском 2 из 25 участников, и еще 7 отметили, что начали говорить на русском до 3 лет. Таким образом, основная часть участников представляет собой билингвов с ранним последовательным типом билингвизма (early sequential bilingualism): таким типом билингвизма, когда второй язык начинает усваиваться в раннем возрасте, но следуя за первым языком [15].

Очевидно, что когда испытуемые отмечали русский язык как первый, они имели в виду осознаваемую в настоящем доминантность русского языка.

Стимулы. Стимулы второго эксперимента были теми же, что мы использовали в первом эксперименте.

Процедура и дизайн. Процедура второго эксперимента отличалась от описанной выше. Все стимулы были разделены на два листа. На одном листе информированное согласие, опросник и инструкции были на татарском языке, на другом листе использовался русский язык. Каждый участник проходил оба листа. Порядок представления листов был контрбалансирован, т.е. часть участников получали сначала русскую версию, а потом татарскую, другая часть проходила экспериментальные листы в обратном порядке. Стоит заметить, что в начале татарской версии эксперимента участники, помимо всего прочего, должны были выполнить задание на понимание текста, написанного на

татарском языке. Это было сделано по нескольким причинам. Во-первых, мы добавили это задание, чтобы активировать у участников не только умение понимать язык (language processing), но умение воспроизводить его (language production); во-вторых, это задание увеличивало время ситуативной «представленности» языку, что в целом, как мы считаем, вело к более сильному эффекту татарского языка. Для русской версии эксперимента подобного задания не было, так как русский язык в русской среде участников занимает доминирующее положение, что и было нами отмечено выше.

Внутри каждой экспериментальной сессии (при прохождении эксперимента одним испытуемым) стимулы первого листа не повторяли стимулы второго листа. Как и в первом эксперименте, испытуемому демонстрировалось 128 проб, по 64 пробы на конгруэнтные и неконгруэнтные пары.

Дизайн эксперимента включал две независимые переменные: язык эксперимента (русский vs. татарский) и род наименований изображений (конгруэнтные vs. неконгруэнтные пары). Таким образом, участники проходили через четыре условия, по

32 стимула на каждое. Такое количество стимулов является достаточным, согласно правилам проведения экспериментального исследования, где минимальное количество стимулов на условие должно составлять 15 [16]. Зависимой переменной являлись оценки участников.

Результаты и обсуждение. Данные одного участника были исключены из анализа, так как они представляли собой повторение одного и того же ответа на каждый стимул. В итоговый анализ вошли данные 24 русско-татарских билингвов (CP = 34, CT.O = 15), 10 из 24 билингвов были мужского пола. Как и в первом эксперименте, был использован дисперсионный анализ с повторными измерениями (rANOVA). Анализ по участникам (by-subjects) показал отсутствие главного эффекта текста ($F(1, 23) = 2,59, p = 0,121, \eta_p^2 = 0,10$), а также отсутствие интеракции между факторами ($F(1, 23) = 0,66, p = 0,422, \eta_p^2 = 0,03$), однако присутствует маргинальный (пограничный к значимости) эффект рода ($F(1, 23) = 4,25, p = 0,051, \eta_p^2 = 0,16$). Значения средних и стандартных отклонений представлены в табл. 3.

Таблица 3

Описательные статистики. Группа русско-татарских билингвов. Эксперимент 2

Пары	Язык эксперимента	
	русский CP (CT.O)	татарский CP (CT.O)
Конгруэнтные	2,91 (0,94)	3,12 (1,05)
Неконгруэнтные	2,85 (0,89)	2,98 (1,00)

Таким образом, результаты второго эксперимента показали, что у русско-татарских билингвов присутствует тенденция к влиянию грамматической категоризации по роду при категоризации объектов, что сопоставимо с носителями русского языка, для которых русский является родным. Схожий результат отмечается в работе Филлипса и Бородицки [12]. Исследователи отмечают, что чем выше уровень владения вторым языком, тем сильнее проявляется его влияние в процессах категоризации. Все участники отметили, что пользуются русским языком постоянно, очевидно, этот фактор и определил появление эффекта рода в данном эксперименте.

Мы не зафиксировали существенных различий в двух вариантах процедуры эксперимента. Предполагалось, что эффект рода будет сильнее в варианте эксперимента, проводимого на русском языке, по сравнению вариантом, актуализирующим татарский язык. Однако язык эксперимента не оказал влияния на решения участников относительно оценки сходства предметов. Как было отмечено, предварительное анкетирование респондентов выявило, что большинство испытуемых регулярно используют татарский язык в бытовом общении (13 из 26) или постоянно (3 из 24), и только 8 из 24 используют редко или никогда. Чтобы проверить, влиял ли этот факт на решения участников, мы провели дополнительный анализ, указав использование языка как дополнительный фактор, однако анализ (mixed design rANOVA) показал, что фактор частоты использования родного языка не оказывает воздействие на общий результат эксперимента (все $p > 0,08$).

Мы сравнили полученные данные с результатами эксперимента, проведенного ранее и описанного в [9], где была обнаружена интеракция грамматических систем взаимодействующих языков при категоризации объектов.

В этом исследовании в качестве испытуемых привлекались русско-испанские билингвы, у которых: 1) русский язык был родным; 2) билингвизм формировался за счет усвоения испанского языка в вузе и может быть охарактеризован как поздний, учебный функциональный; 3) в родном и усваиваемых языках наличествует категория рода. В испанском языке категория рода является двучленной и по характеру формального маркирования имеет значительное сходство с категорией рода в русском языке: является классифицирующей и представляет собой согласовательный класс, родовые оппозиции маркируются системой флексий и, в отличие от русского языка, артиклями. Следовательно, билингвальный опыт испытуемых относительно манипулирования категорией рода накладывается и взаимодействует с системой грамматического рода родного языка.

Билингвальное взаимодействие в представляемом в данной статье эксперименте имеет принципиальные отличия: 1) у привлекаемых в качестве респондентов русско-татарских билингвов родным языком был татарский; 2) билингвизм может быть охарактеризован как ранний и естественный; 3) в родном для респондентов татарском языке отсутствует категориальное грамматическое противопоставление по роду. Однако несмотря на различия билингвизма респондентов в настоящей работе и в работе [9] в обоих исследованиях прослеживается влияние второго языка на родной.

Сравнение результатов двух экспериментов позволяет нам сделать предположение, что отмечаемое ранее исследователями взаимодействие родовых грамматических систем билингов определяется наличием паттернов грамматической родовой категоризации в родном языке и взаимодействие с другой грамматической

системой опирается на существующую в родном языке, вступая с ней в отношения интеракции. При отсутствии грамматической категоризации в родном языке освоение грамматической категории второго языка не остается на уровне «когнитивной техники», но влияет на другие когнитивные процессы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Описание задач и направлений исследований секции лингвистических и психолингвистических и когнитивных аспектов русско-туркского языкового взаимодействия в проекте представлено в [11].

² Приводятся контексты из базы данных Корпуса текстов русско-туркских билингов Лаборатории лингвистической антропологии ТГУ.

³ Здесь и далее: СР – среднее, СТ.О – стандартное отклонение от среднего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Boroditsky L., Schmidt L.A., Phillips W. Sex, syntax, and semantics // *Language in mind: Advances in the study of language and thought*. 2003. P. 61–79.
2. Flaherty M. The influence of a language gender system on perception // *Tohoku psychologica folia*. 2000. Т. 58. P. 1–10.
3. Kurinski E., Jambor E., Sera M.D. Spanish grammatical gender: Its effects on categorization in native Hungarian speakers // *International Journal of Bilingualism*. 2016. Т. 20, № 1. P. 76–93.
4. Landor R. Grammatical Categories and Cognition across Five Languages: The Case of Grammatical Gender and its Potential Effects on the Conceptualisation of Objects: Thesis (PhD Doctorate) – Griffith University. Brisbane, 2014. 310 p.
5. Andonova E. et al. Second language gender system affects first language gender classification // *Cognitive aspects of bilingualism – Springer Netherlands*. 2007. P. 271–299.
6. Janyan A., Vergilova Y. Biological sex context influences grammatical gender categorization of objects // *European Perspectives on Cognitive Science*. 2011.
7. Mills A.E. Acquisition of the natural-gender rule in English and German // *Linguistics*. 1986. Т. 24, № 1. P. 31–46.
8. Nicoladis E., Da Costa N., Foursha-Stevenson C. Discourse relativity in Russian-English bilingual preschoolers' classification of objects by gender // *International Journal of Bilingualism*. 2016. Т. 20, № 1. P. 17–29.
9. Резанова З.И., Ершова Е.Ю. Влияние грамматического рода на концептуализацию объектов (экспериментальное исследование) // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2017. № 50. С. 104–124. DOI: 10.17223/19986645/50/7.
10. Koch S.C., Zimmermann F., Garcia-Retamero R. El sol-die Sonne // *Psychologische Rundschau*. 2007. Т. 58, № 3. P. 171–182.
11. Резанова З.И., Некрасова Е.Д., Миклашевский А.А. Исследование психолингвистических и когнитивных аспектов языкового контактирования в проекте «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур» // *Русин*. 2018. № 2 (52). С. 107–117. DOI: 10.17223/18572685/52/8/.
12. Phillips W., Boroditsky L. Can quirks of grammar affect the way you think? Grammatical gender and object concepts // *Proceedings of the Annual Meeting of the Cognitive Science Society*. 2003. Т. 25, № 25.
13. Dijkstra T. Lexical processing in bilinguals and multilinguals: The word selection problem // *The multilingual lexicon*. Springer, Dordrecht, 2003. С. 11–26.
14. Dijkstra T., Van Hell J.G., Brenders P. Sentence context effects in bilingual word recognition: Cognate status, sentence language, and semantic constraint // *Bilingualism: Language and Cognition*. 2015. Т. 18, № 4. С. 597–613.
15. Kohnert K. Second language acquisition: Success factors in sequential bilingualism // *ASHA Leader*. 2008. Т. 13, № 2. С. 10–13.
16. St James J.D., Schneider W., Eschman A. PsychMate: Experiments for Teaching Psychology (Version 2.0) // *Pittsburgh, PA: Psychology Software Tools*. 2005.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 3 декабря 2018 г.

Only Mother Tongue Matters: The Effect of Grammatical Gender on the Conceptualization of Objects in Tatar-Russian Bilinguals

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 438, 54–61.

DOI: 10.17223/15617793/438/7

Oksana V. Tsaregorodtseva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: caregrad@yandex.ru

Zoya I. Rezanova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rezanovazi@mail.ru

Keywords: grammatical gender; linguistic relativity; conceptualization; bilingualism; Russian language; Tatar language.

It has been shown previously that grammatical gender affects objects' conceptualization. Specifically, it was revealed that people tend to endow objects without biological sex by masculine/feminine properties if the linguistic label for the object has a masculine/feminine gender. Data suggest that the linguistic label being part of the concept is activated automatically and affects people's judgment about the object. Despite a bulk of research that deals with the question about grammatical gender and concepts, it is still not very clear how conceptualization is built in the bilingual mind, especially, when one of the languages acquired by people does not have the grammatical gender. In the current study, the authors investigate the issue of whether the grammatical gender of the second language would affect conceptualization in Tatar-Russian bilinguals. The thing is that in the group of Tatar-Russian bilinguals bilingualism is early-sequential. Additionally, Russian is dominant, unlike Tatar, which is the first language, however, for the usage, it is subordinate to Russian. The authors conducted two experiments. One of them was a control one. Russian native speakers were engaged to test whether the effect of gender works in the chosen paradigm with the current sample. The second experiment was carried out with the Tatar-Russian bilinguals. The procedure was as follows. Participants saw pairs of pictures, with a picture of a man or a woman and an object next to it. The linguistic marker for the object could have either a masculine or a feminine grammatical gender. Thus, congruent and incongruent pairs were presented, for instance, a man and a bicycle (*velosiped*, masculine) or a man and a fish (*ryba*, feminine), respectively. The task was to evaluate to what extent two pictures are similar, using the 7-point Likert scale. The authors hypothesized that people would tend to estimate congruent pairs as more similar than incongruent ones in the first experiment. They predicted that the attenuated effect of gender would appear in the group of the Tatar-Russian bilinguals when instructions

are given in Russian. They also expected that, when instructions are given in Tatar, the effect would fade. Results revealed a strong effect of the grammatical gender in the group of Russian native speakers, whereas in the group of Tatar-Russian bilinguals only a marginal effect of gender was found, even when the authors tried to boost realization of the differences between languages, using the Tatar and Russian sentence context before the experiment. To sum up, the experiments showed that the grammatical system of the second language could have an effect on objects' conceptualization. In other words, its grammatical system is not acquired as a 'linguistic technique' but affects conceptualization deeply.

REFERENCES

1. Boroditsky, L., Schmidt, L.A. & Phillips, W. (2003) Sex, syntax, and semantics. In: Gentner, D. & Goldin-Meadow, S. (eds) *Language in mind: Advances in the study of language and thought*. The MIT Press.
2. Flaherty, M. (2000) The influence of a language gender system on perception. *Tohoku psychologica folia*. 58. pp. 1–10.
3. Kurinski, E., Jambor, E. & Sera, M.D. (2016) Spanish grammatical gender: Its effects on categorization in native Hungarian speakers. *International Journal of Bilingualism*. 20(1). pp. 76–93. DOI: 10.1177/1367006915576833
4. Landor, R. (2014) *Grammatical Categories and Cognition across Five Languages: The Case of Grammatical Gender and its Potential Effects on the Conceptualisation of Objects*. Thesis (PhD Doctorate). Brisbane: Griffith University.
5. Andonova, E. et al. (2007) Second language gender system affects first language gender classification. In: Kecskes, I. (ed.) *Cognitive aspects of bilingualism*. Dordrecht, Netherlands: Springer.
6. Janyan, A. & Vergilova, Y. (2011) Biological sex context influences grammatical gender categorization of objects. In: Kokinov, B., Karmiloff-Smith, A. & Nersessian, N.J. (eds) *European Perspectives on Cognitive Science*. Sofia: New Bulgarian University Press.
7. Mills, A.E. (1986) Acquisition of the natural-gender rule in English and German. *Linguistics*. 24(1). pp. 31–46.
8. Nicoladis, E., Da Costa, N. & Foursha-Stevenson, C. (2016) Discourse relativity in Russian-English bilingual preschoolers' classification of objects by gender. *International Journal of Bilingualism*. 20 (1). pp. 17–29. DOI: 10.1177/1367006915576826
9. Rezanova, Z.I. & Ershova, E.Yu. (2017) The influence of the grammatical gender on the conceptualisation of objects (an experimental study). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 50. pp. 104–124. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/50/7/
10. Koch, S.C., Zimmermann, F. & Garcia-Retamero, R. (2007) El sol-die Sonne. *Psychologische Rundschau*. 58(3). pp. 171–182.
11. Rezanova, Z.I., Nekrasova, E.D. & Miklashevskiy, A.A. (2018) Investigation of psycho-linguistic and cognitive aspects of language contacting in the project "Linguistic and ethnocultural diversity of Southern Siberia in synchrony and diachrony: interaction of languages and cultures". *Rusin*. 2(52). pp. 107–117. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/52/8/
12. Phillips, W. & Boroditsky, L. (2003) Can quirks of grammar affect the way you think? Grammatical gender and object concepts. *Proceedings of the Annual Meeting of the Cognitive Science Society*. 25(25).
13. Dijkstra, T. (2003) Lexical processing in bilinguals and multilinguals: The word selection problem. In: Cenoz, J., Hufeisen, B. & Jessner, U. (eds) *The multilingual lexicon*. Dordrecht: Springer.
14. Dijkstra, T., Van Hell, J.G. & Brenders, P. (2015) Sentence context effects in bilingual word recognition: Cognate status, sentence language, and semantic constraint. *Bilingualism: Language and Cognition*. 18(4). pp. 597–613. DOI: 10.1017/S1366728914000388
15. Kohnert, K. (2008) Second language acquisition: Success factors in sequential bilingualism. *ASHA Leader*. 13(2). pp. 10–13.
16. St James, J.D., Schneider, W. & Eschman, A. (2005) *PsychMate: Experiments for Teaching Psychology (Version 2.0)*. Pittsburgh, PA: Psychology Software Tools.

Received: 03 December 2018